

УДК 303.093.3

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2013 г.

Аннотация: в статье обосновано, что ряд непреодолимых трудностей личностного развития субъекта обусловлен некоторыми тенденциями развития социальных систем, в частности, диспропорцией нормативного и истинного, и выравниванием внутренней природы по образу и меркам природы внешней. Зафиксирована неспособность личности разрывать причинно-следственные зависимости в силу того, что они создаются и ликвидируются в верхнем по отношению к ней слое социальной реальности. Эти разрывы происходят с одинаковой силой и в сфере техники, и в сфере нормативной надстройки. Показано, что ближайшей причиной упадка рациональности и дефицита легитимности является возрастание степени сложности решений, которые субъект должен принимать в отношении самого себя.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, системный подход, субъективность, антропологический кризис, дефицит рациональности, легитимность.

Abstract: in the article was justified that a number of insurmountable difficulties of the personal development of the subject caused by some of the trends of social systems, in particular, the disparity of normativity and true, and the alignment of the inner nature on the external standards. Here was fixed failure of the person to break the cause-effect relationships which are created and eliminated in the top layer of social reality. These gaps occur with the same force in the fields of technics as well as regulatory superstructure. It was shown that the immediate cause of the decline of rationality and legitimacy deficit is the increased complexity of decisions that the subject must be taken against himself.

Key words: Yu. Habermas, system approach, subjectivity, crisis of humanity, wantage of rationality, legitimacy.

Настоящая работа посвящена сравнительному исследованию таких понятий, как «антропологический кризис», «кризис субъекта» и «социальный кризис». Внимание к данной проблематике весьма закономерно. Антропологический кризис – тема многих современных философских исследований различного уровня и тематического охвата [1–4]. Их актуальность находится в прямой связи с развитием институтов постиндустриального (информационного) общества и вытекающим из этого развития перерождением человеческой природы. Выяснение, может ли личность в новых условиях полноценно развиваться, обращая к своей пользе все технологические достижения цивилизации, продолжает оставаться актуальным вопросом для мыслящего сообщества. Данный вопрос нельзя отнести к категории очевидных по двум причинам. Во-первых, прежний

гносеологический и деятельный оптимизм, характерный для эпохи Просвещения, сегодня во многом утрачен, вследствие чего мы не можем утверждать, как прежде, что человек имеет разумные цели и хорошо знает средства их достижения. В каком-то смысле и цели, и ценности модерна не растворились в небытии, они существуют, но только в виде потенциалов, требующих распознавания, «расколдовывания», определенной работы практического разума. Времена непосредственного их постижения миновали.

Во-вторых, в окружающей действительности возникает, как известно, множество угроз, имеющих непосредственное отношение к внутреннему миру человека и к его субъективности в целом. Примером такой угрозы является формирование «одномерного человека», т.е. заложника высоких технологий – потребителя, лишённого критического мышления. Феномен «экзистенциального вакуума», утрата человеком смысла жизни, общий рост немотивированной агрессии, числа депрессий и самоубийств – всё это суть эмпирические свидетельства определенных, еще до конца не познанных, сдвигов в человеческом бытии. В этих условиях целостность личности перерастает рамки чисто практической проблемы и обращается в проблему интеллектуальную.

Парадоксально, но всеобщее понимание проблематичности дальнейшего существования человека как родового существа не имплицитно явной самозащиты, равно как и теоретического ее обоснования. По словам Д. И. Дубровского, «человечество неуклонно движется к гибели, оно знает это, но не может остановиться в своей самоубийственной деятельности. В этом, пожалуй, наиболее яркое проявление абсурда, экзистенциального тупика, в который вошло человечество. Удивительно все же, что при понимании этого не видно никаких решительных действий, способных что-то изменить. ... Подобно тому, как человек искусно вытесняет страх и ожидание смерти, человечество таким же образом вытесняет страх надвигающейся гибели, отдаваясь во власть ложных надежд и символов веры, совершенствуя способность самообмана. Создается впечатление, что именно в области самообмана люди достигают сейчас творческих высот – настолько искусно, убедительно они “объясняют” и оправдывают свои намерения и действия. В этом проявляется рост дефицита самопознания, столь характерного для нынешнего состояния нашего так называемого “общества знания”, в котором человек “знает всё, но только не себя”» [5].

Общественное сознание, как видно, некоторым образом деформировано. Дефицит жизненного смысла сегодня сопровождается избытком отчужденных («всеобщих») значений. Именно поэтому особую популярность приобретают психотехники, ориентированные на индивидуальное присвоение смысла на основе «научного подхода» (научность в таких случаях подтверждается ретроспективно). В данной ситуации главная проблема состоит не в том, что некоторые смыслы нельзя присвоить в одиночку (технологически эта трудность преодолима, что ярко демонстрирует, например, эволюция практик от фрейдовского психоанализа

к трансперсональной психологии), а в том, что нет способа уменьшить число никому не принадлежащих диспозиций, установок и значений. Таким образом, как бы ни старался индивидуум обрести смысл в жизни, ему всегда будет противостоять обобщенный Другой (или Чужой, если пользоваться терминологией некоторых современных исследователей), угрожающий целостности и единству сконструированного жизненного мира. Персонализация (одухотворение, оживление) угрозы, как это ни удивительно, возникает по причине невозможности ее локализации (эта причина – не единственная, но главная).

Когда мы говорим об антропологическом кризисе, об осознании этого кризиса и его понятийном представлении, речь, так или иначе, идет о деградации некоторых способностей личности или о катастрофическом их состоянии, следовательно, требуется некоторая первичная систематика этих способностей, не исключая, впрочем, дальнейшего переосмысления изначальных классификаций. Как отмечается в диссертации С. А. Бочан, целостность личности связана с «умением человека:

1) выходить из причинно-следственной связи и зависимости, из своего прошлого, предыдущего состояния (не длить себя прежнего), и действовать каждый раз заново в многообразии различных социальных ролей;

2) соотносить свою субъективность с реальной жизнью и в то же время возвышаться над повседневностью;

3) через личный опыт понимать свою сущность и являть ее в мир как изменяющуюся и преображающую силу» [6, с. 7].

Если согласиться с правильностью приведенного описания (во всяком случае, ему нельзя отказать в полноте), то можно назвать три измерения антропологического кризиса в современном информационном обществе:

а) неспособность личности разрывать собственные материальные и нематериальные причинно-следственные зависимости;

б) неспособность личности к рефлексии;

в) неспособность личности выходить в своем действии за рамки партикулярного.

В настоящей работе мы, главным образом, рассмотрим первую и третью составные части антропологического кризиса, что же касается рефлексивных способностей сознания и их постоянного угасания, этому мы планируем посвятить отдельное исследование, общий контур которого нами уже так или иначе задан в ранее опубликованных работах [7, с. 5–30; 8, с. 89–95; 9, с. 28–30].

Как видно, попытка интегрального осмысления судьбы человека в изменяющемся мире с необходимостью приводит к проблематизации кризисных моментов. Последние представляют собой обезличенные множества событий, каждое из которых сужает пространство возможностей для определенной системы. С этой точки зрения весьма перспективным представляется изучение кризиса субъективности сквозь призму онтологических представлений общей теории систем.

Именно эту задачу решает известный немецкий мыслитель Ю. Хабермас в работе «Проблема легитимации позднего капитализма» [10],

не так давно переведенной на русский язык (хотя сама работа была опубликована 40 лет назад, заметим, что она не утратила за это время познавательной ценности, а для русскоязычных исследователей и вовсе наоборот – обрела ее). Поскольку общая цель нашей статьи заключается в доказательстве утверждения, что кризис субъекта является в главных своих чертах системным кризисом, в основании которого лежит дефицит рациональности, некоторые выводы, изложенные в этой книге, взяты нами на вооружение. Таким образом, от общего понятия антропологического кризиса мы переходим к анализу феномена кризисного состояния в социальных системах, от которого перейдем непосредственно к субъекту.

Как полагает Хабермас, в ситуации кризиса может оказаться как организм, так и социальная система. Есть, правда, существенное отличие: органическая материя сохраняет устойчивое единство своих границ в пространстве и времени, за счет чего и преодолевает кризис, в то время как социальная система избегает негативных последствий путем внутренних модификаций (от описания движущих сил этих изменений вначале можно отвлечься). В частности, социальная система может менять состав, границы или некие нормативные параметры, т.е. структурные соотношения, пропорции, величины, благодаря единству которых только и возможно нормальное функционирование системы. Чаще всего изменение структуры сопровождается дифференциацией нормативных параметров, верно и обратное. Во всех подобных случаях мы имеем дело фактически с новой системой, которая не узнает себя в прежней себе. Это и есть кризис идентичности, выступающий, как видно, следствием успешного преодоления системой другого кризиса (более значимого, но менее заметного).

Интересно здесь в первую очередь то, что организм по природе своей не подвержен кризису идентичности, поскольку он не способен опознавать собственную нетождественность (а вовсе не по причине имманентной инертности, как это может показаться; некоторые системы, к тому же, могут быть не более подвижны, чем организмы). Если бы организм был способен к такому осознанию, это свидетельствовало бы о его ментальной («идеализирующей», «идеобразующей») многослойности, о наличии специального «мыслительного аппарата», работающего «с задержкой» относительно прочих частей системы (рассуждая так, мы движемся от Хабермаса в сторону психологии, меняя исходный концепт). Можно сформулировать и более сильное утверждение: всякая система, будучи безрефлексивной или сохраняющей свои нормативные параметры (мы не говорим – «параметры и структуру», поскольку по самому определению системы структура и нормативные параметры образуют некоторую очевидную целостность), не может быть вовлечена в кризис идентичности. Рефлексивность и наличие нормативных параметров, таким образом, являются необходимыми условиями возникновения кризисов подобного рода. Сказанное вовсе не следует понимать в том смысле, что отсутствие рациональных начал или их постепенное угасание делает систему более

конкурентоспособной или упрощает достижение нового, более выгодно-го, с эволюционной точки зрения, состояния.

Для всякого, кто пытается проследить связь кризисов на разных «сло-ях» социального бытия, неотвратимо возникает закономерный вопрос: преобладает ли в личности органическое начало? Допустив сказанное, мы должны признать, что тогда человек как таковой страдает от чего-то, лишь выдаваемого за потерю идентичности. В этом случае личные неудачи индивида так и остаются в сфере случайного, а все возраже-ния по поводу общего неблагополучия человечества приравниваются к близорукому алармизму, кликушеству. Но, возможно, в человеке преоб-ладает системное начало, и его кризисы ничем не отличаются, к приме-ру, от подъемов и спадов фондового рынка? Тогда, как такое возможно в принципе, а если возможно, идет ли речь о сознании как системе (и возвращаемся ли мы в область дискурса о бессознательном?) или же о системе «тело»–«душа»? И самое главное – чем ликвидируется кризис системы, если человек есть система? Эти и подобные вопросы постоянно сопровождают наши размышления. Философия здесь принимает то афо-ристическую, то технократическую оболочку, а иногда демонстративно «переключает» язык в пользу психологии или эстетики. Опасно было бы застревать на моментах такого переключения...

На наш взгляд, не без труда обозначенное затруднение разрешается весьма просто. С одной стороны, личность не редуцируется ни к органи-зму, ни к системе; согласимся с тем, что это аксиома, одновременно – иде-ализация. Мы не можем указать конкретного человека, реализующего в себе этот тезис. Но мы твердо уверены в том, что такая реализация ничему не противоречит из известного нам. С другой стороны, сведение личности к органическому началу или системному устройству имеет место всегда (обратим внимание: эти характеристики – органичность и системность – друг другу формально не противоположны, а с успешным развитием общей теории систем они даже максимально сблизились), но, естественно не в мысли, а в реальности (как следствие, т.е. вторично – и в мысли тоже, хотя само по себе разоблачение подобного рода концепций ничего не дает, альтернативные им варианты не более ценны). Во вто-рой части статьи мы вернемся к этому тезису.

Потеря субъектом идентичности, по мнению Хабермаса, связана с тем, что субъект выпадает из некоторой традиции, которой он принад-лежал, в которой он формировался. В итоге он видит себя оторванным от привычной системы ценностей, ничем не замещенной (отсутствие замещения имеет место отнюдь не по причине гипертрофированного критицизма сознания). С точки зрения сознания, перемена ценностных ориентаций не может не сопровождаться сменой целевых установок. Следовательно, субъект остается дезориентированным еще и в смысле деятельности. Последнее не означает его полной пассивности, имеет-ся в виду, что основное наполнение его активности будут составлять те компоненты, которые для здорового и развитого ценностно-беспро-блемного субъекта остаются периферийными, патологическими либо

просто случайными. Впрочем, данная мысль требует своего отдельного развития.

Конечно, подобного рода кризисы в современном обществе не бывают изолированными, между ними существует такая же взаимосвязь, как и между пространствами, в которых они происходят (возникают, делятся или переходят из одного состояния в другое). Если мы посмотрим на общество сквозь парадигму жизненного мира (его трактовка для целей нашего исследования практически полностью совпадает с той, что дают представители социальной феноменологии), мы будем видеть повсюду только кризисы идентичности. Их явным выражением будут те или иные проблемы социальной интеграции (присвоения обществом внутренней природы). Разворачивая эту логику мышления до ее пределов, мы получим описание некоторых модусов человеческого бытия, окрашенных сплошь негативно: речь обязательно пойдет о патологиях, детерминированных культурно, экономически или иным образом. Эстетизированный предел этой логики закреплён в метафорах «Чужого» и «смерти субъекта», но они настолько хорошо известны, что их здесь не имеет смысла ни повторять, ни анализировать («обыгрывать»).

С равным успехом мы можем увидеть повсюду кризисы управления, заметные лишь постольку, поскольку мы исходим из системной парадигмы и объектом нашего интереса является системная интеграция. Последняя (в отличие от социальной интеграции) занята не дискурсивным разрешением проблем, а проблемами поведения тех или иных акторов, действующих лиц (отнюдь не совпадающих с индивидами). Поведение регламентируется нормами (в особенности – правовыми), следовательно, сфера законодательства открывается для наблюдения как еще одно поле господства кризисных тенденций. Изолированный анализ права подобных перспектив не открывает. Как полагает Р. О. Халфина, «использование адекватной правовой формы как в процессе подготовки и принятия решения, так и в процессе его реализации, представляет собой существенный резерв в совершенствовании управления во всех сферах деятельности общества» [11, с. 10]. С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы управляющая система по темпам своего развития была способна не отставать от системы управляемой. В действительности же их скорости существенно разнятся (хотя право тоже развивается с некоторым ускорением). Впрочем, интересен не факт ускорения (даже замедление развития права, кристаллизация внутри нормативной системы определенных «традиций» представляет большую эпистемологическую ценность), а то, как именно поступают субъекты с притязаниями на значимость. Существуют две возможности. Либо указанные притязания нерелексивно принимаются (как вариант – отклоняются), либо они тематизируются как проблематичные, подвергаются методическому сомнению, пропускаются сквозь некие «аргументативные фильтры» и признаются либо отвергаются. Но мы не видим серьезной дискуссии о допустимости тех или иных нормативных регуляторов, за исключением тех обсуждений, которые инициируются самой властной инстанцией (в

частности, исполнительной властью). Отсутствие подобного рода прецедентов в свою очередь порождает вопрос отчасти теоретического свойства – каким должен быть субъект, чтобы его критика легитимности правопорядка сама оставалась легитимной?

Вернемся к межсистемному взаимодействию. Социальное бытие объединяет все указанные выше кризисные процессы, но не интегрирует их (не обозначает истинных и ложных «результатирующих линий»). Как указывает Хабермас, в процессе системной интеграции (проводимой в интересах публичной власти, но не исключительно ее силами) формируются механизмы управления, транслируемые в жизненный мир, в то время как в жизненном мире возникают нормативные структуры, посредством которых сообщается значимость тем или иным типам поведения. Эти переносчики значимости инкорпорируются в управляющие системы (для права нет другого способа обрести легитимность). Так происходит нематериальный (символический) обмен и именно так выглядит взаимосвязь кризисов.

Попутно сформулируем одно методическое замечание. Описывая универсальные свойства общественных систем, Хабермас исходит из того, что система – единственная реальность, допускающая эмпирическое отношение, в то время как осваиваемые в процессе социализации и производства внутренняя и, соответственно, внешняя природы представляют собой трансцендентальные объекты, точнее, границы и горизонты. В этом смысле промежуточное положение социальной системы не только не снижает ее действительности, но и наоборот – обеспечивает и поддерживает ее. С другой стороны, лишенный коннотаций разговор о деградации внутренней природы человека превращается в игру понятиями. Следует всегда помнить, что и внешняя, и внутренняя природа не доступны без посредничества социальной системы. Этот факт более чем тривиален, но Хабермас делает из него заключение о том, каким именно образом одна социальная система отграничивается от другой (относительно внешней природы такого вопроса не возникает). Средством обозначения границ системы выступают символические комплексы, по сути – тоже системы. Нельзя не отметить всю силу и красоту системного подхода, которые заключены в универсальности его примитивной онтологии: очевидно, должна быть такая парадигма, которая, с одной стороны, вбирала бы в себя динамическое разнообразие сущего, а с другой – сводила бы число уровней этого сущего к минимуму. Системный подход именно таков, когда говорит, что граница между системами конституируется системой же.

Кроме того, социальная система каким-то образом отделена от внутренней природы, под которой Хабермас понимает органический субстрат членов общества (речь, как станет понятно впоследствии, идет не о телесности, органичность здесь выходит за рамки тела или, наоборот, всегда отстает в динамике от него).

Теперь следует охарактеризовать сферу символического. Сфера эта двусоставна, точнее, двуслойна. Нижний ее слой вбирает в себя как губ-

ка то символическое, что принимает и (или) отдает субъект, а верхний слой отражает, фиксирует самодвижение социальных систем. Граница между слоями конституируется анонимными силами, становясь явной именно в эпоху всеобщего кризиса.

Как показывает немецкий философ, в ходе социализации и овладения внешней природой особую роль играют интересубъективные структуры языка. В научно-технической сфере данные структуры порождают множество высказываний, проверяемых на истинность (Хабермас иногда оперирует словосочетанием «контрфактические предложения»). Свойство истинности высказываний зависит от уровня развития производительных сил, с течением времени число таких высказываний растет, в последнее время – растет настолько быстро, что нет и не может быть способа полностью описать массив подобных высказываний как единое целое. Наука о науке не приобретает характера метанауки, у философии для решения указанной задачи нет достаточного методологического инструментария.

В сфере социализации интересубъективные языковые структуры порождают нормы, нуждающиеся в легитимации (такая нужда возникает перманентно, это и есть главная проблема позднего капитализма – быстротечность существования общепризнанных норм, о чем уже было сказано выше). Нормативные структуры изменяются, возникает потребность в дискурсивном разрешении социальных проблем (научно-технические проблемы не могут быть удовлетворительно разрешены дискурсивно, этому сопротивляется исторически сложившееся понятие истины). Иные способы их разрешения становятся нелегитимными. В перспективе это ведет к тому, что иной (научный или наукоподобный) способ мышления без остатка теряет легитимность, его претензии на значимость всякий раз разнообразно оспариваются.

В то время как пространство возможностей по присвоению внешней природы всегда расширяется (совокупный технический регресс немислим), пространство интерпретаций нормативных установлений может сужаться. Это – первый по значимости кризисный процесс. Девальвация научного способа мышления в связке с беспредельной технизацией человеческой повседневности действует весьма негативно, хотя этим вредные последствия не исчерпываются. Потребность в новых (обновляющихся) легитимациях есть потребность в новых и новых эффектах действия коммуникативной системы, той, что имеет дело с внутренней природой.

Второй по значимости и первый по распространенности кризисный процесс проистекает из бесконечных попыток устроить внутреннюю природу по образу и подобию природы внешней. Теоретически, если такое устройство будет достигнуто, критерии истинности и легитимности совпадут, что приведет к значительной экономии символического ресурса. Вот почему данная задача, пусть неосознанно, но постоянно (и неэффективно, отметим), решается в межсистемных взаимодействиях.

Хабермас осуществляет довольно сильную редукцию набора материальных и нематериальных средств освоения внешней и внутренней природы к некоторому комплексу проверяемых высказываний, выставляя их единственными реальными посредниками в межсистемных отношениях. Таким образом, высказывания наделяются максимально допустимой инструментальностью, ибо все прочие средства в современном обществе не то чтобы недостаточно инструментальны, но легитимность их инструментальности проистекает только из системы указанных суждений. Суждения – это то, на чём базируются речевые акты. Речевые акты – это способы символического связывания (субординации или координации) усилий субъектов (которые вступают в речевые игры, будучи предварительно социализированными).

Когда Хабермас отмечает двухуровневый характер коммуникации [10, с. 22–25], наиболее интересным для него продолжает оставаться именно структурный, а не содержательный момент. В самом деле: коммуникация по поводу пропозициональных содержаний (когнитивная составляющая) возможна только при одновременной метакоммуникации по поводу межличностных отношений (некогнитивная составляющая). Ресурсы для развития и того, и другого уровней языковой деятельности заключены в самом языке, отсюда, от этого факта, – один шаг к признанию языка самодовлеющей сущностью, проводником в особый мир человеческого бытия. Коротко говоря, один шаг к немецким романтикам, Гумбольдту и, наконец, к Хайдеггеру. Этого шага автор не делает, равно как и не утверждает (в духе Гегеля), что язык обладает способностью превращаться из средства в цель, взрывая изначально закладываемую субъектами когнитивную телеологию речевого акта. Зато Хабермас фиксирует трансформативное свойство языка: внутренний мир (чувства, ощущения и потребности) переводится в интерсубъективный регистр, внутренние переживания превращаются в интенциональные содержания. Отсюда легко объяснить эффект перехода от одной системы к другой. Важно подчеркнуть: язык – не причина кризиса, не следствие его, не способ управления кризисами или их разрешения. Он – поверхность соприкасающихся систем, на которой возникают следы определенных переходных процессов, некоторые из которых явно свидетельствуют о дисгармонии общества.

Всякое высказывание претендует на всеобщность, т.е. на объективность познания и легитимность действующих норм. Точно так же возникает интерсубъективное ожидание в ходе взаимодействия социальной системы с внешней природой. Хабермас подводит нас к любопытному выводу: инструментальное действие совпадает в своей инструментальности с действием коммуникативным. Примечательно здесь и то, что обратное утверждать мы не можем. Инструментальное действие в своей коммуникативности не совпадает ни с одной из многообразных «фигур» социализации или персональных «установок». Возрастание числа интеракций субъектов не означает, очевидно, ни повышения градуса их кооперируемости (в техническом смысле), ни сближения их жизненных

миров (в герменевтическом смысле). Умножение числа коммуникативных актов требует новых консенсуальных процедур, выражающихся опять-таки в форме речевого акта, с инструментальной точки зрения явно избыточного. Коммуникация – это, по мнению Хабермаса, сфера, из которой следует изгнать принцип инструментальности, однако, каким образом это сделать, пока не понятно.

Следует помнить, что на уровне субъективного кризиса хоть и выражается в языке, но к коммуникативным проблемам отнюдь не сводится (поэтому, например, концепция Чужого, представленная в работах Б. Вальденфельса, ориентирована исключительно на гуссерлевский, строгий вариант феноменологии, а не на более поздние исследования, де-факто, занимающие нишу микросоциологии). Здесь мы фиксируем следующее. Социальные системы функционируют таким образом, что производимые ими значения накапливаются в явно избыточном виде, вследствие чего остаются неприсвоенными, анонимными в своей отчужденности. Обще-признанные способы присвоения значений можно либо изобретать (но им не избежать партикулярности), либо воспользоваться тем, что изобретено по ходу развития общественного бытия. Массовая культура отчасти приходит на помощь, предлагая способы соединения индивидуальных смыслов (смысловых ожиданий, если выразиться точнее) и некоторых социализирующих значений. Но проблема тем самым не снята, а переведена в новый регистр: успешность в потреблении плодов масскультуры редуцирует субъекта до состояния организма, пропускающего через себя ментальное сырье (вспомним, к примеру, яркий образ «орануса» в романе «Generation P» Виктора Пелевина или концепцию срезов и потоков Делеза и Гваттари). Самостоятельное возвышение органического, если рассматривать его на индивидуальном уровне, невозможно.

Квазиальтернатива падению человеческой природы в мир недифференцированных организмов, как мы установили, заключается в агрегировании человека крупными системами, каждая из которых – рыночная, бюрократическая, правовая – если соблюдать лумановскую классификацию – претендует на всё человеческое, что есть внутри системы. Здесь перед нами открывается масса интересных возможностей (в том числе пресловутое единение человека и компьютера), не все из которых однозначно позитивны. По мысли В. А. Рыбина, «если принять сложившееся соотношение “жизненного мира” и “системного мира” в качестве устойчивых оппозиций, то вырисовывается следующая картина. Так как “функциональность” исходных антропологических звеньев в среде “жизненного мира” уже утрачена, и гарантом сохранения социальной целостности становится “системный мир”, то общесоциальное развитие должно развиваться по линии дальнейшего углубления разделения труда. Но деятельность человека в системе разделения труда всегда протекает в форме исполнения конкретных механических стереотипов. Отсюда следует, что при нарастании сложности всей этой системы на стороне индивида, т.е. в антропологическом звене современного производства, все больше будет проявляться избыточность его творчески-инновационной

способности. Разумность человека становится ненужной и даже вредной по отношению к “системному миру” [12].

Правота представленной точки зрения бесспорна: рациональность (как единство рефлексивности и наличия нормативных параметров) производится и воспроизводится внутри той или иной системы (поэтому экономическая и правовая системы действительно соизмеримы и могут быть истолкованы одна в терминах другой и наоборот), от личности не требуется никакой дополнительной рациональности. Личность – не хозяин ни одного из действующих нормативных параметров системы, а что до рефлексивности, то ее избыток не способствует выполнению трудовых стереотипов, о которых говорит В. А. Рыбин. В цитируемой работе Хабермас выражает аналогичное беспокойство: «...Фрагментированные и монотонные рабочие процессы все больше внедряются также в те сектора, в которых прежде идентичность образовывалась посредством профессиональной роли. Внутренняя мотивация, ориентированная на достижения, в зависимых от рынка сферах труда все менее подкрепляется структурой трудового процесса; инструменталистский подход к труду распространяется даже в традиционных буржуазных профессиях» [10, с. 138].

Мы видим также, что партикулярность индивидуальных практик обусловлена недостаточно убедительными претензиями агентов этих практик на истинность. В традиционно-капиталистическом обществе, там, где взаимодействие человека с природой описывалось в терминах субъект-объектных связей, истинность реализовывала себя как знание будущего состояния объекта. Указанное знание играло ключевую роль в преобразовании внешней природы. Как писал Л. Я. Аверьянов, «исходя из системности концептуального знания, определяющего в себе некоторые общие закономерности развития объекта, и исходя из причинно-следственных зависимостей, субъект имеет возможность распространять свое знание и на некоторое будущее, т.е. определять векторный период будущего, возможные тенденции движения объекта. Изменение явления определяется законами развития более общей по отношению к ним системы. Знание этих законов позволяет прогнозировать их изменение до тех пор, пока не изменится сама система, а с ней и ее законы. Но в силу относительно стабильного существования она приобретает статус сравнительно постоянного воздействия на свои элементы. Поэтому концептуальное знание, выработанное субъектом познания о некотором объекте, выступает обобщенным знанием его законов... Хотя концептуальное знание по своей природе является прошлым и в силу этого консервативным, оно имеет значение как актуальное знание до того времени, пока объективная реальность не изменится настолько, что знание будет определяться не как прошлое, а как устаревшее. Система должна измениться настолько, чтобы ее законы, по которым она существовала и которые были заключены в концептуальном знании, перестали работать» [3, с. 40–41]. Конечно, в современных системах знание о будущем состоянии того или иного объекта никуда не исчезло, проблема для субъекта заключается лишь в том, что это знание ему больше не принадле-

жит. Не в том смысле, что он не может его понять и передать дальше в процессе обучения, а в том, что он не может ни подтвердить, ни опровергнуть его легитимность. Точнее говоря, субъект не в состоянии отделить в подобного рода знаниях истинное от нормативного. В этом нет его вины – в действительности оба аспекта неотделимы, поскольку принадлежат не самим по себе природной и общественной системам, а их взаимодействию, как уже было сказано. К тому же, неизмеримо возросла ценность знания о будущем состоянии того объекта, который выступает адресатом речевой деятельности, т.е. субъекта (ведь эта деятельность всеобща). Мы, однако, не можем утверждать, что форма выработки и присвоения знания подобного рода осталась прежней. Впрочем, это выходит за рамки нашего исследования.

Отметим возможность одной любопытной интерпретации, прилагаемой к описываемой нами в общих чертах редукции субъектного начала к органическому или системному целому. Вспоминается очень удачный афоризм Гегеля о хитрости разума, позволяющего объектам действовать друг на друга сообразно их природе и истощать себя в данном действии (да разве это лишь афоризм, но не исследовательский принцип?). Разум же реализует здесь свои собственные цели, не зависящие от объектов и не известные им. Напрашивается точная аналогия с индивидами, действующими друг на друга, подобно природным объектам, и точно так же истощающими себя в этом взаимодействии. Чем не описание антропологического кризиса, пусть и сверхкраткое? Правда, возникает вопрос – кто осуществляет через индивидов свою цель? Если считать, что целеполагание есть удел самого индивида, тогда мы снова не обойдемся без конструирования обобщенных фигур Другого или Чужого (спросим себя: не исчерпана ли эвристическая емкость этих фигур?). Если считать, что целеполагание есть функция системы, то мы входим в умственную схематехнику, предлагаемую Хабермасом, попутно избавляясь от никуда не ведущих метафор персонализации. При этом в поле зрения попадают символические посредники, в первую очередь – язык. Как справедливо отмечает А. П. Белик, «беда не в том, что эти посредники легко абсолютизируются, отрываются от людей и их деятельности в теории, воображении, а в том, что в реальной жизни их не так уж трудно оторвать от человека (они всегда расчленены, дискретны) и направить против него» [14, с. 106]. Особый шарм ситуации заключается в том, что и обособление, и противоположение языка человеку (это всего лишь частный пример) осуществляется силами той системы, интегрироваться в которую стремится субъект. Впрочем, это его стремление есть не что иное как эпифеномен бегства от анонимной власти, но данное замечание мы оставим пока без дальнейшего развития.

Подведем итоги.

Во-первых, нам удалось показать морфологию социальных кризисов, как она была обдумана и эксплицирована Хабермасом, но с определенным дополнением, касающимся субъекта как такового. Точнее, мы по-

казали, что основные трудности личности (неспособность выходить за пределы эмпирического «Я» и разрывать причинно-следственные зависимости) обусловлены некоторыми тенденциями развития социальных систем. Мы обозначили две такие тенденции: диспропорция нормативного и истинного, оформляемая в речевых актах (и отчасти отменяющая их), и выравнивание внутренней природы по образу и меркам природы внешней.

Во-вторых, мы установили, что личность, благодаря системной интеграции, обретает множество возможностей незапрограммированного развития, чья вероятность осуществления обратно пропорционально зависит от того, насколько личность сведена самой системой к одному из двух состояний – органическому либо системному. И в том и в другом случае речь идет о потере идентичности, о деградации ценностно-смысловой сферы.

В-третьих, мы выяснили, что личность не способна разрывать причинно-следственные зависимости в силу того, что они создаются и ликвидируются в верхнем по отношению к ней слое социальной реальности. Эти разрывы происходят с одинаковой силой и в сфере техники, и в сфере нормативной надстройки. Обратная же функция, т.е. интегрирование, личности не доступна. Кризисы, конечно, не возникают в индивидуальном сознании и не разрешаются в нем. Это вовсе не означает, что субъект (там и тогда, когда он несистемен) с успехом избегает опасности. Единственное, что мы хотели продемонстрировать в нашей работе, – что индивидуальное сознание реагирует на кризисные состояния общества, по-своему перерабатывает их, неадекватно выражая в языковой материи свои переживания (большая часть дискурса о бессознательном в действительности имеет в виду такую вот неадекватность).

В-четвертых, мы показали, что решения, которые субъект должен принимать в отношении самого себя, с течением времени обретают такую степень сложности (комплексности), что возможность их рациональности резко снижается. Для компенсации сниженной рациональности субъект, во-первых, увеличивает число подобных решений, а во-вторых, делает их как можно более ситуативными. Это и есть причина, по которой он в своей деятельности не выходит за рамки партикулярного. Таким образом, в настоящей статье нам удалось объяснить некоторые вертикальные системные связи, обнажившиеся в эпоху всеобщего кризиса капитализма, на основании знания о неких горизонтальных связях, «уловить» реальность которых помогает системная методология.

Литература

1. *Липовецки Ж.* Эра пустоты : эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – М. : Владимир Даль, 2001.
2. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002.

3. Социальный кризис и социальная катастрофа : сб. материалов конф. / отв. ред. Д. У. Орлов, К. С. Пигров, А. К. Секацкий. – СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2002.

4. *Ставинский И.* Капитализм сегодня и капитализм завтра / И. Ставинский. – М. : Едиториал УРСС, 1997.

5. *Дубровский Д. И.* Человек продолжает действовать как животное / Д. И. Дубровский. – Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2012/8/16/593773.html> (дата обращения – 17.05.2013).

6. *Бочан С. А.* Проблема целостности личности в информационном обществе : дис. ... канд. филос. наук / С. А. Бочан. – Новочеркасск, 2007.

7. *Беляев М. А.* Опыт Чужого : (О возможности трансцендентально-феноменологической философии культуры) / М. А. Беляев // *Культурология : пересечение научных сфер* : сб. ст. – Воронеж : Типография Воронежского ЦНТИ, 2012. – Вып. 7. – С. 5–30.

8. *Беляев М. А.* О феноменологических основаниях философской теории субъекта / М. А. Беляев // *Социальные аспекты глобального кризиса* : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / Воронеж : Научная книга, 2013.

9. *Беляев М. А.* Трансцендентность Эго как гарантия его целостности / М. А. Беляев // *Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания* : сб. ст. и тез. докл. III Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. Междунар. дню философии (18 ноября 2012 г.). – Липецк ; Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2013.

10. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2010.

11. *Халфина Р. О.* Право как средство социального управления / Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1988.

12. *Рыбин В. А.* Компоненты антропологического кризиса современности / В. А. Рыбин. – Режим доступа : http://www.rybin.dialog21.ru/antropolog_crisis.htm (дата обращения – 17.05.2013).

13. *Аверьянов Л. Я.* Почему люди задают вопросы? / Л. Я. Аверьянов. – М. : Социолог, 1993.

14. *Белик А. П.* Социальная форма движения / А. П. Белик. – М. : Наука, 1982.